

Мультикультурные основания российской ментальности в зеркале истории

В. Б. ВЛАСОВА

(Институт философии РАН)

В статье рассматривается социально-философский смысл понятия мультикультуры, его методологические возможности и перспективы практического применения. Основное внимание уделяется мультикультурным особенностям отечественной ментальности в ее историческом развитии.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультикультура, Россия, миграция, государственная политика, история, ментальность.

Сегодня понятия мультикультуры, мультикультурной политики и т. п. имеют в научном и в повседневно-практическом контексте вполне укоренившийся и строго определенный смысл, который, хотя и ограничен известной исторической сиюминутностью, но обладает весьма широкой актуальностью. Это объясняется тем, что проблемы мультикультурализма соотносят прежде всего с ситуацией массовой миграции населения разных стран все более глобализирующегося в последние сто лет мира. Существенным для этого оказывается тот факт, что иммигранты неорганично вписываются в культуру новой страны. Они сохраняют и с пристрастием охраняют свои вековые ценности, совокупность которых образует ментальность, чуждую коренным обитателям их новой родины. В результате возникают межэтнические, межконфессиональные и иные разногласия, дестабилизирующие общественный порядок.

Связанные с этими процессами теоретические задачи представляют для историков, философов, культурологов и социологов некое междисциплинарное исследовательское поле со своими методологическими разработками и практическими рекомендациями. Рассматривать их подробно не входит сейчас в намерения автора. В предлагаемой вниманию читателей статье используется термин «мультикультурализм» в более широком его понимании — как в историческом, так и в философском аспекте.

Разумеется, в заданном формате невозможно развернуть все детали и сложности, оправдывающие не вполне тонкое в рамках принятого в научном обиходе словоупотреб-

ление. Отметим лишь, что главные аргументы сводятся к следующему. Во-первых, миграционные процессы (со всеми порождаемыми ими трудностями) выступают в современном их содержании в качестве так или иначе юридически оформленных актов переселения отдельных людей или стихийно возникших в той или иной этнической общности групп на территорию иного государства. Во-вторых, узаконенный международными договорами пересмотр границ, в результате которого изменяется национально-культурный состав страны, также представляет собой лишь открывающуюся самому первому поверхностному взгляду причину возникновения феномена мультикультуры. Его более глубокие социально-исторические основания, специфические особенности и внутренние противоречия, порождающие самодвижение и дальнейшее развитие, еще предстоит исследовать. И в первую очередь это относится к такому стержневому для содержания культуры вообще признаку, как конфессиональная принадлежность ее носителей.

Изучение этих вопросов, конечно, требует продолжительного времени и коллективных усилий большого числа ученых-обществоведов и других специалистов в области гуманитарного знания. Предполагается осмысление более длительных, более глубоких и укорененных еще в древнейшем времени отношений между близко соседствующими государствами, народностями или даже архаичными родоплеменными структурами, которые «встраиваются», т. е. органично воспринимаются мифологическим и религиозным сознанием, его магической практикой либо другими менталь-

но ориентирующими общество архетипическими данностями. В статье предлагается под этим углом зрения наметить вехи становления исторических трансформаций и современного формирования мультикультурных основ российской ментальности. Причем в фокусе теоретического наблюдения будет постоянно присутствовать собственно многоконфессиональная ее составляющая.

В связи с этим мы рассматриваем особенно культуры многообразия, порождающие собственно российские задачи государственной политики, которые имеют выходы к международным отношениям, религиозной практике внутри страны и за ее пределами. Они воздействуют на внутривнутриполитический климат, криминогенную обстановку и в конечном счете на культурное самочувствие наших граждан. Все эти проблемы так тесно взаимосвязаны друг с другом, что, например, религиозная составляющая указанной проблематики может служить ее фундаментом. Или, наоборот, она оказывается следствием существования целого комплекса конфликтов внутри светской политики государства, в том числе связанных с экономической и социальной практикой, а также с выстраиванием тех или иных межгосударственных отношений. Так что выбор для анализа одного из компонентов, образующих содержание мультикультурных основ российской ментальности, не исключает, а скорее требует учета и других компонентов. Это обстоятельство позволяет сосредоточить исследовательские усилия на явлении многоконфессиональности, тем более что это одна из самых важных особенностей отечественного менталитета, детерминирующая многие другие. Цель анализа в данном случае состоит в том, чтобы привлечь интерес к проблеме, показать, что главной задачей изучения этого явления должно стать не только теоретическое освоение его сути и форм проявления в истории нашего народа, но и в нынешних российских условиях. Необходимы еще и серьезные практические усилия дипломатов, юристов, политиков (в том числе из среды законодательной и исполнительной власти), а также учителей и воспитателей подрастающего поколения, худож-

ников, включая артистов, музыкантов и литераторов.

Таким образом, злободневность данной тематики подтверждается ее значимостью в функционировании сегодняшнего российского сознания и бытия. Мультикультурность как одно из базисных свойств отечественного самосознания выступает ядром кристаллизации многих существенных и неотложных проблем социально-политической и духовной жизни народов России. При этом обнаруживаются противоречия нашей повседневной и исторической реальности, преодоление которых невозможно без учета религиозного фактора и связанной с ним общегосударственной политики в области национальных отношений в обществе, культурного строительства и т. п. И мультиконфессиональная реальность российского общественного самосознания оказывается не только источником постоянных трудностей для мирного сосуществования и успешного движения вперед по пути исторического прогресса, но и серьезным потенциалом для их устранения.

Подобное положение дел было характерно для России всегда — и в допетровские времена, но и в дохристианскую эпоху, т. е. на протяжении почти двух с половиной тысячелетий существования на ее территории многочисленных языческих (и не только славянских) племен. Обращаясь назад, в глубокое историческое прошлое, предшествовавшее образованию российской нации, легко заметить, что изначально еще докиевская Русь представляла собой более или менее взаимосвязанный торговыми, религиозными либо военными отношениями конгломерат разного рода межэтнических союзов, располагавшихся от Балтики до Урала и от Белого моря до южных степей. Их взаимные отношения не отличались постоянством. Менялись их производственное и политическое содержание, ценностный смысл и степень прочности, а также формы, в которых они реализовывались. Однако именно в этом обоюдном обмене ментальностью, если можно так выразиться, и состояла их историческая судьба, поскольку в конце концов продуктом указанного выше взаимодействия и взаимовлияния стали, с одной сто-

роны, достаточно очевидная необходимость слияния в единое политико-культурное пространство, а с другой стороны — возможность и подходящие для этой цели средства осуществления такого взаимодействия.

Долгое и наполненное противоречиями развитие этого процесса привело в результате к тому, что мы называем сегодня домонгольской Русью. Важнейшим стимулятором последующих объединительных тенденций послужило крещение Киевской Руси князем Владимиром в 988 г. В то же время этот эпохальный историко-культурный акт, в свою очередь, образовал питательную почву для возникновения новых конфессиональных конфликтов. Дело в том, что Владимир ввел христианство на Руси в одночасье, волевым давлением, а следовательно, в значительной степени насильственно¹. Поэтому многие проблемы религиозной практики и княжеских междоусобиц были решены до конца объединением государства на общих устоях веры. Христианство либо оставалось чуждым и неприемлемым для многих русичей и для включенных в орбиту их влияния племен, либо порождало споры и ссоры из-за «разночтений» нового мировоззрения. В этих обстоятельствах требовалась гибкая и мудрая культурная политика, способная увязать религиозные, экономические и военные моменты в сеть объективных потребностей народа и интересов власти. И как раз христианская ориентация — и в силу своего идейно-нравственного содержания, и в связи с ее европейски-цивилизующими возможностями — создавала необходимые условия для реализации такой политики.

В итоге русский вариант присоединения к христианской церкви (с ее догматикой, обрядностью и даже смысловыми акцентами в отношении к сверхъестественному как таковому) до сих пор имеет значительные отличия от особенностей христианизации других народов, в том числе и православных. В частности, многие сугубо христианские праздники были наполнены на Руси (и продолжают оставаться в этом качестве в современной России) языческим смыслом, заключавшимся в поклонении одухотворенным природным стихиям. Таковы, скажем, рождественские колядки, ве-

дущие свое происхождение от поклонения звездному круговороту, олицетворенному Колядой; масленичные проводы зимы с игровыми обрядами и ряжеными; украшение во время празднования Троицы жилищ и храмов березовыми ветками — символом богини Лады; сохранившиеся до наших дней языческие компоненты празднования летнего солнцестояния в играх, обрядах и поверьях, связанных с днем Ивана Купалы². Многие православные святые (Власий, Егорий, Илья и др.) ведут свое происхождение от переосмысленных языческих богов (Велеса, Ярилы, Перуна и др.). Обратное влияние полученных тем самым рефлексивных образов — неважно, в адекватной или превращенной форме — на все виды культурных связей в обществе создавало объективную платформу и для обновления каждого из вступающих в такое взаимодействие племенных или религиозных образований, и для их тесного и прочного в той или иной мере сближения. Здесь уместно указать и на аналогичные трансформации политеистических культов под влиянием либо прямой христианизации, либо через соседство с монотеистической культурой русичей у других этнических групп — чуди, мери, зырян и т. п. иноязычных, неславянских племен.

У всех этих этносов существовали свои исконные языческие верования и вытекающие из них ценностные ориентации во всех областях жизни, составлявшие ядро их оригинальной ментальности, которая со своей стороны также оказывала постоянное воздействие на преобразующуюся в ходе монотеизации культуру. Последняя объединяла, таким образом, в монолитное государство славянские племена, которые прежде были разрознены под властью удельных князей. Необходимо также добавить, что глубокий след на пути утверждения единой древнерусской культуры (и прежде всего в быту, языке и типе общения) оставили восточные кочевники — печенеги, половцы, хазары, а позже татаро-монголы. Что же касается форм государственности, то в языческие времена они складывались с оглядкой на северные, германо-скандинавские образцы, а затем, в ходе упрочения христианской религии, главным примером в сфере го-

сударственного строительства стала Византия. Отсюда в целом следует, что культурно-историческими предпосылками вызревания цивилизации на всей Восточно-Европейской равнине и прилегающих к ней территориях, где проживали славянские племена и их ближайшие соседи, выступало взаимное влияние их культур друг на друга — как мирное (торговый обмен, общие религиозные корни, дипломатия), так и в результате столкновения различных этнокультурных блоков в междоусобной борьбе.

Итогом подобных сложных отношений было установление более или менее органичных связей между носителями упомянутых выше культурных данностей и постепенное вращение их в протекавший так или иначе на заре российской истории процесс взаимной многосторонней культурной ассимиляции. Особенностью такого сближения и обоюдного уподобления культур, до сих пор еще не утратившего своей актуальности, оказывается то обстоятельство, что, сливаясь в единую с так называемыми великороссами гармонию многонациональной культурной определенности, каждая из примкнувших к ней этнических ментальностей реализовывала свое собственное, отдельное, уникальное «звучание». Это прежде всего касается народного быта, традиций и художественно-вкусовых предпочтений, иногда культовых установок и всегда почитания своих историко-культурных корней, т. е. унаследованных от предков легенд, топонимических сведений, связанных с теми или иными эпическими подробностями, но главное — бережного отношения к родному языку.

Итак, именно на описанной выше специфической мультикультурной основе и развивалось впоследствии становление российской нации как таковой. Но в конечном счете это обстоятельство породило множество политико-религиозных и этнических проблем. Иногда это приводило к конфликтным ситуациям, правда, по большей части латентным. Но по мере роста этнического самосознания скрытые прежде противоречия принимали и более открытую, острую форму. Все это усугублялось еще и тем, что русские

первопроходцы в XVI–XVIII вв. продвигались все дальше на восток и на север, узнавая и осваивая новые земли, тоже заселенные «инородцами», а государственная политика имела своим результатом присоединение (иногда мирное, а иногда более или менее насильственное) новых народностей к уже сложившейся к этому времени и все более крепнувшей в последующие века так называемой Великороссии. При этом, с одной стороны, православные миссионеры (например, Стефан Пермский) выполняли огромную общепросветительскую работу, а с другой стороны, иноверцам (католикам, протестантам, иудеям, буддистам), как правило, не препятствовали иметь свои храмы, исполнять свои требы, обряды и культовые праздники. Хуже обстояло дело с собственными раскольниками, но и здесь выручали огромные российские просторы, так что инаковерующие могли сохранять свою культуру с большими или меньшими издержками.

Фактически исторический путь формирования российской мультикультурной самобытности складывался из двух основных «потоков». Один из них «резюмировался», так сказать, в «народной политике», которая вырастала из необходимости мирного сосуществования различных этносов и субкультур на достаточно обширных территориях. Это приводило к изначальной ориентации на веротерпимость, порождавшей дальнейший интерес к образу жизни и мышления соседей, а постепенно и к готовности воспринять отдельные черты чужой культуры, дополнив ими арсенал собственных средств решения актуальных проблем, сходных с соседскими³.

Другой «поток» — это официальная государственная политика. Ее строили, собственно говоря, люди, обладавшие тем же российским менталитетом, но получившие европейское образование, а потому приобщенные к мировой культуре с ее общечеловеческими ценностями. Такая ситуация также позволяла укорениться более или менее «мягким» культурно-объединительным тенденциям на внутрисоветском географическом пространстве⁴. В результате и социально-исторические задачи, и способы их решения в экономи-

ке, политике, дипломатии и т. д. становились общими для всего населения России, что, в свою очередь, вело к дальнейшему сближению и взаимопроникновению различных установок проживающих здесь народностей.

Конечно, не все проходило гладко и безболезненно. Были времена и великих смут, и тяжелых испытаний в борьбе с иноземными захватчиками. Не раз Россия оказывалась на грани распада государственности. Однако так или иначе наша многонациональная, а значит, мультикультурная страна сохраняла и свою политическую самостоятельность, и общенациональную структуру духовной жизни входящих в нее этнокультурных групп. Тем самым — и это главное в рассматриваемом здесь отношении — Россия вплоть до настоящего времени постоянно приумножает культурные богатства нации в целом, в известной степени бережно относясь к накопленному веками и создавая новое, всякий раз злободневное толкование своего духовного наследия. Сказанное вовсе не означает, что в России не было гонений и перегибов в сфере духовной практики или в отношении культурных прав этнических меньшинств. Однако наше государство всегда гордилось присущим стране многоцветием языков и обычаев, которые в определенных границах все же продолжали сохранять не только формальную, но и содержательную сторону.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историки до сих пор спорят, что являлось главной причиной принятого им решения — необходимость жениться на византийской царевне, эстетико-вкусовые предпочтения или политические мотивы. Возможно, что все указанное совпало в этом выборе.

² Была также сохранена в народном сознании (и остается в нем до сих пор) в качестве суеверий чисто мифологическая ориентация магической практики на так называемую нечистую силу, т. е. на самый нижний уровень древнеславянского

пантеона. Правда, христианская трактовка поясняет ее существование кознями Дьявола.

³ В этой связи интересно вспомнить, как И. И. Лажечников в своей книге «Ледяной дом» описывал праздничный поезд новобрачных на шутовской свадьбе при дворе Анны Иоанновны. Он состоял из малороссов, «белорусцев», чухонцев, финнов, татар, калмыков, камчадалов и других представителей, говоря словами А. С. Пушкина, «сущих» в России «языков» — всего 150 пар. Каждая пара была одета в свой традиционный костюм и восседала на свойственных данным народностям средствах передвижения — лошадаках, волах, ослах, верблюдах, оленях, собаках и т. п. Характерна та гордость, с которой автор подводит итог своему описанию, указывая на то, что «только в России можно было составить такой богатый этнографический праздник» (Лажечников, 1963: 265–266).

⁴ Иное дело, что свойственные всякой официальной структуре бюрократические поползновения рано или поздно деформируют даже цели ее деятельности, не говоря уже о средствах их достижения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лажечников, И. И. (1963) Соч. : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 2.

THE MULTICULTURAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN MENTALITY IN THE MIRROR OF HISTORY

V. B. Vlasova

(The Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences)

The article covers the social and philosophical meaning of the concept of multiculturalism, its methodological potentials and prospects of practical application. The main attention is paid to the multicultural features of Russian mentality in its historical development.

Keywords: multiculturalism, multiculturalism, Russia, migration, state policy, history, mentality.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Lazhechnikov, I. I. (1963) Soch. : v 2 t. M. : Khudozhestvennaia literatura. T. 2.